

Вольдемар ЗАЙЦМАН

ПРИЗРАК СТАРОЙ СОБАКИ

П о в е с т ь

Посвящается А. Э.

Глава первая

Дневная смена началась как обычно, и, как говорится, ничто не предвещало. Пока проводили тех, кто с ночи, изучили оперативный журнал, чаю попили...

Елена Ивановна, добродушная полная женщина в возрасте, прибежала, как водится, с небольшим опозданием.

— Не ругайся, Максимыч, не ругайся! — начала она оправдываться, заметив, что старший смены недовольно качает головой. — Сам знаешь, пока моих соберешь, пока отправишь...

Она стала доставать из принесенной сумки коробочки и пакетики.

— Где же наша умница? — Она вышла в коридор. — Где наша собачка? Фью-фью-фью... Ах вот ты где, моя хорошая!

Собака, крупная старая дворняга с облезлым хвостом и обвисшими ушами, поднялась ей навстречу со своей подстилки на улице, где находилась по случаю хорошей погоды.

— На, кушай, дорогая, кушай! — Елена Ивановна ласково потрепала ее за ухом и стала выкладывать в собачью миску принесенную еду.

Собака повиляла хвостом, благодарно ткнула носом ей в ладонь и, аккуратно прихватив клыками большую кость с остатками мяса, затрусила вдоль стены здания.

— Никак здесь не жрет, — заметил Ефремов, толстый рыжий мужик с густыми усами, вышедший с Сергеем Максимовичем на улицу покурить. — Все таскает куда-то. На черный день прячет, что ли?

— Может, щенки у нее? — задумчиво произнес Сергей Максимович.

— Да господь с тобой! — Елена Ивановна всплеснула руками. — Какие щенки? Она же старая совсем. Сколько она у нас живет-то? Годков десять, наверное?

— Да где-то так. Еще при прежнем руководстве прибилась...

Из приоткрывшейся двери высунулась голова дежурного монтера Ромы, по молодости лет отзывавшегося на «Ромочку». Волосы его были взъерошены, глаза испуганны.

— Идут! — сообщил он. — К нам идут!

— Кто идет?

— Саныч! И с ним начальство...

— Какое еще начальство? Главный инженер, что ли?

— Выше бери! Старший помощник младшего менеджера!

Все поспешили обратно, и вовремя. В дверь, ведущую из цеха, уже входил Виктор Александрович, начальник участка, а вместе с ним — высокий грузный мужчина в белой каске, ослепительным сугробом сидевшей на его голове.

— А тут у нас находится главный щит управления, — продолжал начальник участка свои пояснения. — Здесь дежурная смена контролирует работу генераторов и обеспечивает исправность электрооборудования...

Лицо старшего помощника было достаточно неприветливо.

Сергей Максимович растерянно заморгал поверх очков. Раньше, в старые добрые времена, если и заходило сюда большое начальство — директор завода, к примеру, или секретарь парткома, то непременно здоровались за руку, могли поговорить за жизнь... А сейчас все было как-то не так. Старший смены уже дожил до светлого будущего (то есть до пенсии) и всерьез опасался, как бы его в это светлое будущее не отправили окончательно. Поэтому, не зная, как себя вести, он на всякий случай беспомощно и заискивающе улыбался.

Высокий гость брезгливо оглядел тронутые ржавчиной щиты с приборами и разноцветными лампочками, давно не мытые окна, облупившуюся краску на стенах и собрался, видимо, выразить свое неудовольствие. Но тут блондинка Эля весьма кстати изобразила на лице одну из своих самых очаровательных улыбок. Старший помощник младшего менеджера задержал на ней взгляд, хмыкнул и от неудовольствия воздержался.

— Покажите мне склад готовой продукции, — надменно повелел он.

Дежурные монтеры недоуменно переглянулись.

— Э-э... понимаете... у нас тут ТЭЦ, станция... — начал объяснять Виктор Александрович. — Мы производим тепло, электроэнергию...

Большой начальник кивнул, показывая, что именно это он и хотел услышать, и, неторопливо пройдясь по помещению, вышел в боковой коридор.

— А здесь у вас что? — осведомился он.

— Здесь? Аккумуляторная.

— Какая еще аккумуляторная? Вы что, производите электричество прямо в аккумуляторах?

— Нет... понимаете, система оперативного тока...

Начальник не стал слушать дальше и пошел по коридору в другую сторону.

— А это что за дверь?

— А это аварийный выход на улицу.

Старший помощник проследовал наружу. Следом несмело вышли дежурные и начальник участка. Сидевшие в курилке рабочие-подрядчики поднялись как по команде при виде столь важной персоны. Высокий гость, не обращая на них внимания, неспешно прогулялся вдоль стены.

— Это что? — Его толстый палец указал на цветочную клумбу.

— Это? Да это наши женщины тут сажают... для красоты, в свободное время...

— У них есть свободное время? Так-та-ак...

— Э... нет, знаете, я неправильно выразился... ну в пересменок, в обеденный перерыв...

— Заасфальтируем! — резюмировал старший помощник младшего менеджера и, обедая взглядом окружающий пейзаж, вознамерился войти обратно в здание.

— А эт-то что еще такое?

Собака, успевшая уже вернуться, лежала на своем коврикe, дышала, высунув язык, и дружелюбно оглядывала людей.

— Я спрашиваю вас, что это?!

— Да это у нас тут так... вместо сторожа... — стал оправдываться Виктор Александрович, делая за спиной начальства страшные глаза подчиненным: мол, какого черта, почему не спрятали?

— Животное?! На производственном объекте?! Вы что?! Вы в своем уме?! — Изумлению и негодованию старшего помощника не было предела. Его глаза выпучились, лицо побагровело.

Стоящие у стенки люди испуганно притихли.

— Да мы уберем, уберем...

— Я сам решу этот вопрос! — грозно сказал большой начальник.

Он отошел в сторону и, бережно оттянув борт своего малинового пиджака, извлек из внутреннего кармана кирпичеобразную «Нокию».

— Смотри, смотри, мобильный телефон! — зашептались в толпе.

Старший помощник выдвинул антенну, потыкал в кнопки и величественно приложил телефон к голове.

— Я у южной стороны здания, — молвил он. — Быстро сюда!

Через минуту из-за угла вынырнул блестящий «мерседес», самый что ни на есть шестисотый, а следом — большой черный джип. Из джипа выскочили трое мордovorотов и подобострастно подбежали к шефу. Тот вполголоса кратко обрисовал им задачу. Охранники развернулись в цепь и двинулись в сторону обнаруженного нелегального животного.

Собака, до этого настроенная по отношению к окружающим вполне мирно, зарычала и поднялась на ноги, безошибочно почуяв у подходивших людей недобрые намерения. Шерсть на ее загривке встала дыбом, губы задралась, обнажив крупные желтые клыки.

Озадаченные ловцы остановились, перекинулись между собой парой слов, потом один из них вернулся к машине и вытащил из багажника здоровенный серый кусок материи — вероятно, тент от этого самого джипа. Развернув полотнище, они снова двинулись к своей жертве.

Собака метнулась вправо-влево вдоль стены здания, но охранники ловко накинули на нее тент, дернули край, подсекая лапы, и поволокли рычащий и барахтающийся мешок к машине.

— Да оставьте вы ее! Что она вам сделала? — не выдержала Елена Ивановна.

— Молчи, дура старая! — пихнул ее в бок Сергей Максимович. — Уволят!

Елена Ивановна лишь всплакнула, прикрыв лицо рукой.

Охранники запихали скулящую собаку в багажник джипа. Старший помощник младшего менеджера снял свою безукоризненно белую каску, вытер платком бритый затылок и, не удостоив присутствующих даже взглядом, сопя, залез в «мерседес». Кортёж тронулся, набирая скорость, и, пока он не скрылся за углом, люди слышали приглушенный железной стенкой машины тоскливый собачий вой.

Ночная смена на следующие сутки тоже наступила вполне обыденно.

— Не прибежала еще? — ворвалась Елена Ивановна, по обыкновению слегка опоздав. — Ах ты господи! А я-то надеялась... Думала, они ее выпустят где-нибудь за воротами, а она снова к нам. Я вот ей принесла...

— От них не убежишь, — печально вздохнул Сергей Максимович.

— Ваша псина, — ехидно заметил Ефремов от верстака, — уже, поди, на шашлык пошла. В качестве барашка.

— Сволочь ты, Ефремов! Сволочь! И как тебя земля носит? Я же помню, как ты ее щенков топил! Нет в тебе никакой жалости к животным!

— А чего их жалеть? — флегматично отозвался тот. — Они-то тебя не пожалеют. У медведя вон когти какие — видела?

— И медведя сюда приплел! Ты еще тигра вспомни! Охотник чертов! Тебе бы только душу живую загубить!

— Ну ладно, будешь тут еще мораль мне читать! — рассердился Ефремов. — Избушка на курьих ножках! Ишь, святая выискалась... Животных любишь, а котлетки-то, небось, наворачиваешь!

— Да хватит вам! — не выдержал старший смены. — Что вы все время как кошка с собакой, ей-богу? Алексей, там у механиков сварка не работает — ты бы сходил... Елена Иванна, сегодня у нас режимные сутки, помнишь?

— Да-да, конечно, — засуетилась Елена Ивановна, собирая со стола бумаги. Затем, спохватившись, достала принесенные гостинцы и выложила в миску — может, все-таки вернется собачка...

— Звереют люди, на глазах звереют, — бормотала она, выходя в цех. Ефремов молча собрал инструменты в сумку и тоже ушел.

Остальные занялись текущими делами. Сергей Максимович сверял состояние схемы с записями в журнале, молодой монтер Рома разделявал кабель, блондинка Эля затачивала пилочкой маникюр. Ночная смена имеет то преимущество перед дневной, что нет начальства на горизонте. Поэтому если быстро переделать все дела и ничего не случится, то можно будет пару часов и подремать. А впереди — отсыпной, выходной...

...Елена Ивановна медленно двигалась между рядами высоковольтных ячеек, записывая показания счетчиков.

Подошла к очередной ячейке.

Посмотрела на счетчик активной энергии.

Затем подняла взгляд выше...

И вдруг страшно закричала, вытаращив от ужаса глаза. Но крика ее никто не услышал.

Глава вторая

Начальник участка явился в помещение главного щита управления не с самого утра, а ближе к обеду. За ним следовала незнакомая фигура не с самой просторной, не по размеру, спецодежде и новенькой каске.

— Вот, — объявил Виктор Александрович, — с сегодняшнего дня в вашей бригаде будет новый монтер. Вместо Елены Ивановны...

— Это мальчик или девочка? — насмешливо поинтересовался Ефремов, и все присутствующие заулыбались.

Девушка — ее звали Маша — смутилась, мысленно проклиная свою безразмерную спецовку и тот день и час, когда она решилась на короткую стрижку.

— Ефремов, побереги свои хохмы для более подходящего случая, — начальник раскрыл принесенный журнал. — Мария уже работала раньше в дежурной бригаде, она специалист опытный, так что попрошу относиться к ней с должным уважением. На время стажировки и дублирования она будет закреплена за Ромой. Вот, Маша, твой наставник. Так... тут распишитесь... тут распишитесь... и тут распишитесь.

Наставник Маше очень понравился (не то что тот, с усам!) — невысокий, симпатичный и в разговоре приятный. У него имелся только один недостаток (но существенный!) — кольцо на безымянном пальце.

Пока шли взаимные знакомства и представления, начальник участка просмотрел журналы, собрал свои бумаги и направился к выходу.

— Да, чуть не забыл, — повернулся он. — Сергей Максимович, а где ключ трехгранный, что от Елены Ивановны остался? Ведь ты же ездил в морг принимать вещи по описи?

При слове «морг» Маша вздрогнула.

Старший смены развел руками:

— Так не было его... Пропуск выдали, ключи от шкафчика были, удостоверение... А вот трехгранника не припомню.

— Ладно, Маша, придумаем что-нибудь. Осваивайся пока, — сказал Виктор Александрович и вышел.

Маша сидела на краешке стула и чувствовала себя неуютно под любопытными взглядами своих будущих коллег. Впрочем, так всегда и бывает на новом месте работы.

— Ну что вы пялитесь на человека? — важно произнес усатый Ефремов. — Сперва надо девушку чаем напоить. Эллочка, — высокопарно изрек он, обернувшись, — будьте так добры, соберите схему на чайник!

Блондинка Эля кисло улыбнулась Маше и проследовала к электрочайнику, покачивая бедрами под хорошо пригнанной спецодеждой. Маша непроизвольно поежилась в своей мешковатой робе.

Для чаепития в дежурном помещении был отгорожен угол за щитом постоянного тока, где стояли стол и разнокалиберные стулья, а в самом углу находилось шикарное кресло с подлокотниками и высокой спинкой, какие бывают в самолетах или междугородних автобусах. Машу усадили в это кресло, как почетного гостя, и принялись поить чаем с сушками. Новенькая тоже угостила всех карамельками, которые всегда таскала в кармане (ну не могла она жить без сладкого!). Поскольку у нее еще не было здесь личной посуды, наставник Рома великодушно одолжил ей свою кружку с изображением слегка одетой девицы.

— А ты, Маша, что заканчивала? — спросил он, наливая ей чай.

— Электроснабжение...

— А где работала раньше?

— В горsetях... А у вас зарплату не задерживают?

— Не-е... — ответил Рома, широко улыбаясь. — У нас платят вовремя. Раньше задерживали, пока мы все акции директору не продали. А сейчас не задерживают...

— А у тебя, Машенька, есть акции? — спросил ее Сергей Максимович, всегда живо интересовавшийся финансовыми вопросами.

— Нет, — вздохнула Маша. — У нас ведь не было приватизации. Я свой ваучер продала. Купила себе сапоги... итальянские... из Белоруссии...

Ефремов фыркнул, а блондинка Эля закатила голубые глаза под пышную прическу. Маша смущенно замолчала и уткнулась в кружку с чаем. Она искренне полагала, что настоящая итальянская обувь производится именно в Белоруссии.

Постепенно все монтеры разошлись по своим делам, и в дежурке остались лишь Рома и Маша. Новая работница уже вполне освоилась, и они принялись оживленно беседовать на разные темы. Наставник кратко рассказал о себе: окончил техникум, в армии служил, женат, дочке три годика, а сейчас ждут второго.

— А ты что, не замужем? — спросил он свою подопечную.

Маша помедлила с ответом.

— Это потому что кольца нет на пальце?

— Да даже если б ты имела три обручальных кольца...

— Да-да, Москву, которая слезам не верит, я тоже смотрела!

Ну не замужем, ну и что?

— Надоело, наверное, жить с родителями...

— У меня своя квартира есть.

— Своя? У тебя? — крайне удивился Рома. — Ничего себе! Когда же ты успела ее заработать?

— Да не заработала я. Она мне от бабушки осталась.

— Вот повезло!

— В чем это мне повезло? — насупилась Маша. — В том, что у меня бабушка умерла?

— Да не-е... Я не то имел в виду... Ну, это... Своя квартира — это же здорово... — растерялся Рома.

Некоторое время они сидели молча.

— А почему Виктор Александрович у меня выспрашивал, чем я в свободное время занимаюсь? — спросила наконец Маша. — Это так важно, да?

Рома заулыбался.

— Да это все из-за Ефремова. Ну, не только из-за него, конечно... Он раньше в другой бригаде работал. Они там все подобрались: рыбаки, охотники — пробу ставить негде. Ну и поехали как-то всей сменой с ночи на острова порыбачить. Рыбы наловили, «накушались», как положено, утром проспались — а лодки нет! То ли отвязалась, то ли утопили спяну. Рации у них там никакой, сама понимаешь. Берег далеко, да и вода холодная. Так и робинзонили там трое суток, пока их не нашли.

— Ну и что?

— Так а Саньчу-то каково? Смена в полном составе на работу не вышла! Ну, кто-то с ночи остался, кого-то из дома вызвали. Шуму было... Вот он теперь и отслеживает, чтобы друзья по интересам вместе не работали. Чуть что — сразу кого-нибудь в другую бригаду переведет.

— А ты рыбак? Рыбу ловишь?

— Не-е, — погрустнел Рома. — Я дачник. Грядки копаю у тещи на фазенде...

Маша порадовалась про себя, что у нее нет дачи, и, стало быть, их с Ромочкой (как она про себя уже называла его) не разведут по разным бригадам.

— А ты, Маша, чем дома занимаешься? Какое у тебя хобби? — блеснул Рома культурным словечком.

— Я-то? — замялась Маша. — Ну, я кино люблю, музыку... Живописью увлекаюсь. Вот, например, французские импрессионисты...

— А-а, знаю-знаю! — невежливо перебил ее Ромочка. — Этот... как его... Ван Гоген! И Тулуз... с Лотреком!

Маша не поняла, прикалывается он над ней или нет, поэтому развивать дальше тему про свое хобби не стала. Она робко спросила:

— А та женщина, вместо которой меня взяли... Она что, здесь умерла, да?

— Елена Иванна-то? — Рома печально вздохнул. — Да, знаешь, такая история... Она в «десятку» пошла — счетчики переписывать. Нет ее и нет... Пошли искать, а она там лежит — сердце. Ей всего два года до пенсии оставалось. Хорошая женщина была. Добрая.

Тут в дежурку вернулся Сергей Максимович.

— Ромочка, ты бы сводил Машеньку цех посмотреть, — ласково сказал он. — Ей же интересно, наверное...

Цех произвел на Машу сильное впечатление. Мощно гудели генераторы, производя электроэнергию, шумели громадные, высотой с пятиэтажный дом, котлы, вырабатывая пар для турбин. Под конец экскурсии Рома провел ее по электропомещениям, куда имели доступ только дежурные электрики. Оборудование там было во многом знакомо Маше по прежнему месту работы.

На самом верху, на седьмой отметке, находились распределительные устройства собственных нужд — «шестерка» (напряжением шесть киловольт) и «ноль-четыре». Под ними был кабельный полуэтаж — пыльные, плохо освещенные низенькие залы, заполненные разнообразными кабелями. Ниже, на уровне земли, тянулись помещения главного распределительного устройства — так называемая «десятка», куда выходили шинопроводы от генераторов и откуда осуществлялось электроснабжение всего завода. И наконец, еще ниже, под землей, простирался обширный подвал с боковыми тоннелями, по которым кабели уходили в другие цеха. Туда, впрочем, Рома и его подопечная спускаться не стали — лишь заглянули через открытый люк.

— А почему на полу вода? — изумилась Маша. — Там же кабели, напряжение...

— Так ведь ТЭЦ-то построена где? — ответил ей Рома. — На болоте. Болото не откачаешь.

Подвал произвел на Машу неприятное впечатление. Словно какое-то мрачное сказочное подземелье, где драконы, вампиры и прочая нечисть, притаившись, ждут свою жертву.

Глава третья

Закончились стажировка и дублирование, Маша успешно сдала все положенные экзамены (зря, что ли, столько лет отработала в горсетях!) и была допущена к самостоятельной работе. И в самом начале ее трудовой деятельности на этом месте с ней случилось неприятное происшествие.

Началось все с того, что начальник участка прибежал с утра на главный щит раньше обычного.

— По цеху сегодня комиссия ходит! — запыхавшись, объявил он. — А у нас под четвертым котлом ни одна лампа не горит! Давайте бегом! Вот лампочки, десять штук. — Он поставил коробку на стол. — Сдадите мне поштучно. И хорошие, и плохие.

Сергей Максимович и Ефремов в это время делали где-то по бланку переключения, а блондинка Эля сидела за дежурным столом и весьма убедительно демонстрировала невероятную занятость. Так что идти менять лампы пришлось Роме с Машей, и они сразу же отправились под четвертый котел, чтобы успеть до комиссии. Бывший наставник тащил лестницу-стремянку и сумку с инструментом, а Маше досталась коробка с лампами. С задачей они справились довольно быстро, зажгли все светильники, которые оказались исправны, и поволоклись обратно в дежурку. Прежний путь оказался перегорожен наглухо — механики вовсю варили какие-то свои железки, и пробираться пришлось по узкому, около метра шириной, выступу, где справа была кирпичная стена «десятки», а слева находился дренажный приямок — своего рода бассейн, куда стекала лишняя вода из пароконденсаторов. Маша засмотрелась на возившихся под генератором людей и, неловко наступив в выбоину в бетоне, потеряла равновесие.

Какое-то время она, выронив коробку, махала руками, словно птица крыльями, на самом краю приямка. От воды поднимался пар, и Машу пронзила ужасная мысль, что она, упав, сварится в этом кипятке заживо. Потом ее холодным душем окатил страх утонуть (плавала Маша плохо). Больше подумать она ни о чем не успела, так как сила тяжести преодолела наконец отчаянные взмахи рук, лишенных от рождения перьев, и Маша плашмя бухнулась в этот технический бассейн.

Вода оказалась приятно-теплой, и свариться в ней не получилось. А под ногами неожиданно обнаружилось дно, и после недолгого барахтанья Маша уже стояла по пояс в воде, протирая глаза и отчаянно отплевываясь.

Ромочка, не мешкая, вытащил ее за шиворот на бетонный уступ.

— Ты что клювом щелкаешь? — зашипел он на нее. — Росомаха! Смотреть надо под ноги!

Маша лишь кивала головой: да, росомаха она и есть, и только ожесточенно сплевывала воду с поганим привкусом машинного масла да размазывала по лицу дешевую китайскую тушь. Рома, чертыхаясь, выловил из приямка коробку с лампами, которые надо было сдать поштучно. Машина каска, наполненная водой, плавала вне пределов досягаемости.

— Пошли уж...

И они потащились дальше, на главный щит. Но Ромочка вдруг, едва выглянув за кирпичный угол, тут же нырнул обратно.

— Там комиссия! Эти, в белых касках! Сюда идут! Черт, что делать-то, а? Куда тебя спрятать? Давай вот сюда!

Рядом оказалась железная лестница, ведущая наверх, и Маша послушно взобралась по ней к двери кабельного полуэтажа. Ромочка взлетел следом, стряхивая с себя летящие от напарницы брызги, и открыл дверь трехгранником.

— Посиди пока тут. Я тебе запасную спецовку принесу, у меня есть. — И дверь захлопнулась.

Кабельный полуэтаж представлял собой довольно запущенное помещение. Когда-то давно, сразу после постройки цеха, ряды кабелей, несомненно, ровно тянулись по железным кронштейнам полок. Теперь же, десятилетия спустя, тут были настоящие джунгли: в ходе многочисленных ремонтов было проложено много новых трасс, некоторые полки обломались, кабели перепутались и местами сползли на пол, покрытый слоем пыли и мусора. Освещение было скудным, светильников мало, да и горели далеко не все. Привести это место в надлежащий вид было, наверное, уже невозможно — пришлось бы обесточивать ТЭЦ и останавливать весь завод.

Маша потопталась в хлюпающих ботинках, ища, куда бы присесть, и, не найдя ничего подходящего, села на корточки, прислонившись спиной к кирпичной кладке. Теплая поначалу вода быстро остыла, и девушке стало холодно в мокрой насквозь спецовке. В довершение всех бед конфеты в кармане (последняя радость!) слиплись и пришли в полную негодность. Делать было нечего — оставалось только ждать возвращения

напарника со сменной одеждой. Маша обхватила себя руками за плечи, стараясь унять дрожь, и стала бесцельно разглядывать переплетение толстых черных жил.

И вдруг замерла от страха, перестав даже дрожать.

Ближайший исправный светильник был заслонен толстым пучком кабелей, и Маша видела лишь большой кусок хорошо освещенной противоположной стены. И вот на этой самой кирпичной стенке она вдруг заметила медленно ползущую громадную косматую тень. Нечто большое и страшное бесшумно перемещалось за кабелями прямо в ее сторону, и Машу внезапно охватил настоящий ужас. Тень остановилась, сместилась немного назад, качнулась туда-сюда и, снова двинувшись вперед, вышла из поля зрения. Но затаившаяся работница отчетливо понимала, что это нечто теперь находится совсем недалеко от нее, за ближайшей кабельной полкой.

Сколько она так сидела, затаив дыхание, Маша не знала и, когда внезапно щелкнул замок, подскочила от неожиданности, словно ее дернуло током. Вернувшийся Ромочка втиснулся через приоткрытую дверь, сунул ей в руки сверток и почти уже выбрался наружу, но Маша схватила его за спецовку обеими руками и втащила обратно.

— Ты что? — оторопел Рома. — Ты это... гы-гы-гы... что, стриптиз мне изображать будешь?

— Дурак! Отвернись вон туда! — Маша развернула Рому лицом к кабелям и принялась стаскивать мокрую робу. — Тут кто-то есть! — громко шепнула она.

— Да кому тут быть-то? — Ромочка поводил лучом фонарика по кабельным полкам. — Ну разве что крыса какая-нибудь...

— Сам ты крыса! Оно большое, лохматое. Я тень на стене видела. — Маша наконец-то справилась с курткой. — Ты бы хоть полотенце какое принес, что ли...

— А? Извини, не догадался. Придется так. Так ведь тень большая, потому что крыса близко к лампе, а стена далеко...

— Да-да, перспектива, я тоже в школе училась! А ботинок, что, не принес?

— Ботинок запасных не нашел. Ходи пока в этих. — Рома заглянул за ближайший ряд кабелей. — Говорю тебе, нет тут никого!

— Что же я, дура совсем, по-твоему? — обозлилась Маша, путаясь в широких мужских штанах. — Стой-стой, не смотри!

— Да что у тебя смотреть-то! — простодушно воскликнул Ромочка в сердцах. — Подумаешь! Вот если бы наша Элька в приямок наверхнулась...

До дежурки они дошли достаточно удачно — ни на кого не нарвались. Скрыть от коллег произошедшее не удалось, да Маша и не пыталась, потому что явилась в чужой спецовке, чавкающих мокрых ботинках, без каски и с косметикой, размазанной по лицу на манер боевой раскраски индейцев сиу. Сергей Максимович посочувствовал поверх очков, Ефремов поржал, блондинка Эля сделала бровки домиком.

Потом, после смены, пришлось долго отмывать волосы от мазутного запаха.

Маша сидела в душевой, обсыхая, и тоскливо рассматривала свои худые конечности. Слова Ромы больно задели ее: «Что у тебя смотреть-то? Подумаешь!» Неужели она и в самом деле такая костлявая уродина? Ну да, конечно, хорошего человека должно быть больше...

Мимо прошлепала мокрыми тапочками, возвращаясь из душа, блондинка Эля. Маша грустно посмотрела ей вслед. Да-а... Вот она — Афродита Пеннорожденная, достойная кисти Рубенса!

Но постепенно обида на Ромочку ушла из ее сердца, и в нем остался только страх перед загадочной тенью на стене.

Глава четвертая

Очередная дневная смена началась несколько необычно, поскольку никто никуда не уходил с обходом — все ждали квитков о предстоящей получке. Наконец долгожданные листочки были начальником принесены, и персонал смены приступил к их изучению. Для Маши это была первая зарплата на новом месте. Не то чтобы много — меньше, чем у других, — но зато вовремя. На прошлой же работе она до смерти устала растягивать аванс еще с предыдущего месяца.

Ромочка задумчиво вертел в руках свой квиток.

— Что, Ромашка, — весело спросил его Ефремов, — прикидываешь, сколько в заначку оттяпать?

— Да, как же, — уныло протянул Рома, — оттяпаешь тут... У Лариски разговор короткий: «Принеси мне квиток и деньги в соответствии с оным, а я уж сама решу, сколько выдавать тебе на обеды».

Блондинка Эля понимающе усмехнулась.

— Да разве так можно? — всплеснула руками Маша. — Какая же это семья, если между супругами никакого доверия нет?

Ромочка внимательно на нее посмотрел.

— Доверяй, но проверяй! — веско заметил Ефремов. — Особенно подкаблучников!

— А у тебя жена что, квиток не спрашивает? — вскинулся на него Рома, обидевшись, видимо, на «подкаблучника».

— Чего? — крайне изумился тот. — Моя? У меня?

— Да. Твоя. У тебя.

— Моя баба, — Ефремов назидательно поднял палец, — не склонна к суициду.

Оживленная беседа была прервана появлением монтеров-релейщиков, пришедших допускаться по наряду. Михайлов работал в цехе давно, и Маша его уже видела пару раз, а второй работник только что устроился и явился на главный щит впервые. Про него было известно, что он недавно дембельнулся из армии, где служил в десантных войсках, а сейчас учится заочно на инженера-электрика.

Маше новый релейщик очень понравился — высокий, широкоплечий, с крупным волевым подбородком и короткой спортивной стрижкой, делавшей его голову почти квадратной. И, самое главное, без «недостатков» на пальцах. Он широко улыбался всем присутствующим и, на взгляд Маши, чем-то походил на молодого неоткормленного Шварценеггера.

— Ну-с, уважаемые коллеги, — близоруко сощурился Сергей Максимович, — кто пойдет допускать бригаду?

Маша подумала, что ей предоставляется удачный случай познакомиться поближе с новеньким, и изъявила желание. Рома тоже привстал было со скамейки, и даже Ефремов неторопливо потянулся за нарядом со другого конца стола. Но проворнее всех оказалась блондинка Эля. Никто и глазом моргнуть не успел, а она уже сидела за дежурным столом и аккуратным почерком регистрировала наряд в журнале. Потом бережно водрузила каску на свою великолепную прическу, двумя пальчиками взяла бланки нарядов и повела бригаду допускаться на рабочее место.

Маша растерянно захлопала ресницами. Ну что ж, не судьба...

Допущенная к работе бригада возвратилась в дежурку подозрительно быстро. Впереди шел Михайлов, злой и несколько растерянный, а новый релейщик тащился сзади и никаким местом Шварценеггера больше не напоминал, так как был бледен и постоянно оглядывался.

— Черт знает что такое! — Михайлов раздраженно плюхнулся на стул. — Что у вас там творится, в «ноль-четыре»?

— А что случилось-то?

— Да только мы начали, полез я, значит, к трансформатору тока, а у меня отвертка закатилась. Туда, за панель. Ну я ему и говорю: зайди, мол, подбери...

— А оно... как прыгнет! — сорвавшимся в хрип голосом вставил новенький.

— Кто прыгнул?

— Не знаю... такой... мохнатый...

Дежурные обступили вернувшихся релейщиков.

— Да кто прыгнул-то, кто? Кошка?

— Не-е... большой... Во! — Экс-десантник развел руки в стороны, словно рыбак, показывающий размер выловленной рыбы.

— Ничего себе! Собака?

— Не знаю...

— Да ну! Откуда там, на седьмой отметке, собаке взяться?

— Это наша псина с того света вернулась, — саркастически заметил Ефремов. — В качестве призрака.

— Какого призрака? — Михайлов внезапно сменил раздражение на живой интерес. — Так-так, а с этого места поподробней, пожалуйста! Что за собака, что с ней случилось?

Сергей Максимович стал вводить его в курс дела относительно известной всем собаки, и они, оживленно беседуя, пошли в распредустройство — посмотреть на месте, что и как. Ефремов расслабленно развалился в кресле за дежурным столом. Блондинка Эля принялась поить в закутке

нового работника чаем, а тот, размахивая руками, все время пытался ей объяснить, как же оно прыгнуло.

— А почему он такой напуганный? — вполголоса спросила Маша у Ромочки. — Он же в десантных войсках служил. С парашютом, наверное, прыгал. Смелым должен быть...

— Так ведь он в десанте-то служил где? — ответил Рома тоже вполголоса. — В хоззаводе, на свинарнике. Парашют только в кино видел. На дембель-то, конечно, как положено ушел: берет, тельняшка, значки на груди — все, какие есть...

— А ты-то откуда знаешь?

— Да так... — Рома помялся. — Общие знакомые. Ты только... это... никому не говори, ладно?

Маша кивнула. Она хорошо понимала опасения собеседника — бывший десантник был выше Ромочки почти на целую голову и вполне мог навалять ему плюх за разглашение совершенно секретных сведений.

Спустя полчаса вернулись ушедшие наверх коллеги. Сергей Максимович имел вполне удовлетворенный вид, потому что в его хозяйстве все обстояло благополучно, а Михайлов был явно разочарован. Ничего странного и необычного они не обнаружили.

Глава пятая

К ночной смене Ефремов явился с большим пакетом.

— Ну-с, уважаемые коллеги, — торжественно произнес он, явно пародируя Сергея Максимовича, — сегодня нам предстоит отметить важное событие.

— А что такое? — поднял голову Ромочка.

— Дяде Леше сорок лет стукнуло! Юбилей, так сказать...

— Правда? — воскликнула Маша. — Поздравляю! Только сорок лет как юбилей не празднуют. И вообще вроде не отмечают...

— Ну, нам другие не указ. — Ефремов вытянул из пакета бутылку. — Сейчас справимся с делами нашими скорбными и приступим. Мари, — галантно обратился он к Маше, грассируя на французский манер, — вы же не откажетесь разделить с нами сию трапезу?.. Напрасно, напрасно... Максимыч, ты-то будешь? Ну и хрен с тобой!

Маша отметила про себя, что блондинке Эле участие в трапезе предложено не было, видимо ответ был предсказуем. Она и сама категорически отказалась от этой авантюры, считая употребление спиртного на производстве занятием крайне предосудительным. Рома же, напротив, с радостью согласился — и много потерял в Машиных глазах.

Поздно вечером, после всех обходов и прочих мероприятий, Ефремов и Ромочка с довольными рожами потащились в закуток. Сергей Максимович лишь печально повздыхал. В былые времена, еще до сухого закона, если и случалось у кого-нибудь радостное событие, то ведь как все было? Поздравляли человека торжественно, по окончании смены накрывали стол, приносили кто чего. Елена Иванна, земля ей пухом, помнится,

какой вкусный салатик делала! Выпивали грамм по сто (ну ладно — по сто пятьдесят), хорошо закусывали и чинно-мирно расходились по домам. Начальство не одобряло, конечно, в открытую, но относилось с пониманием, старалось не замечать. А теперь что? Забились ночью за щит постоянного тока и пьют в две хари...

Маша отсидела положенное время за столом дежурств и прилегла подремать на лавочку. Спалось плохо, она отлежала все бока и решила взять фуфайку из шкафчика, который, как и у всех монтеров, имелся у нее в коридоре. Навстречу ей попался Ефремов, выходявший, видимо, на улицу покурить. Увидев молодую сотрудницу, он заулыбался и развел руки в стороны.

— Гоп-стоп, — пропел он, — мы па-да-шли из-за угла...

Он вдруг обхватил Машу обеими руками за талию и завлек ее в открытую дверь полутемной кладовки, где хранились разные запчасти.

— Ты что, Леша? — опешила она.

А Ефремов вместо ответа дыхнул ей в лицо перегаром и куревом, и уже жесткая щетка его усов больно уколола ей шею, и мясистая лапа уже сползла с Машиной талии куда-то пониже...

Маша испуганно задержалась в его руках, забилась, как птица в клетке, съездила пару раз по наглой усатой морде и вырвалась в коридор.

— Ты че такая гордая? — обиженно спросил Ефремов, выходя следом. — Че нос задираешь? Заземли рубильник-то, милая!

— Я тебе не милая! — всхлипнула Маша. — Козел...

— Гы-гы-гы! Ме-е! — Нетрезвый монтер приложил оба указательных пальца к голове, изображая упомянутое животное. — А за козла ответишь! Та-ак... — Он предвкушающе потер руки. — А ну-ка, пойдём-пойдём...

— Куда ещё?

— Работать пойдём! Все трудятся, и мы поработаем...

Маша едва успела схватить свою каску. Ефремов протащил ее мимо сладко сопевшей на скамеечке блондинки Эли, мимо Сергея Максимовича, клевавшего носом за столом дежурств, и мимо чайного закутка, где из тарелки с закуской торчали уши Ромочки и его стриженный затылок. Маша от испуга и неожиданности впала в ступор и даже не сообразила, что Ефремов ей, в общем-то, не начальник и не вправе указывать, куда идти и что делать.

Ее приволокли за руку к лестнице в полуэтаж.

— Значит так, — важно объявил Ефремов. — С обходом пойдём. Я по «десяточке» прогуляюсь, а ты кабелечки осмотришь. Давай-давай, подымайся!

Маша поняла, что он что-то знает про ее страхи и мохнатую тень на стене. Видимо, Ромочка язык распустил. Уже второй раз за последнее время она спешно карабкалась по этой лестнице, понукаемая сзади.

— А может, вместе? — жалобно попросила она, уже стоя на площадке.

— Какое «вместе»? Ты же со мной дружить не хочешь! — Ефремов поднял валяющийся под ногами кусок трубы и открыл трехгранником

дверь. — Двигай смелее! Ты не думай, я с этой стороны палочкой подперну, а ты вон там выйдешь. Через задний проход. Га-га-га!

— Там же темно... — упиралась Маша, пытаясь придумать какой-нибудь веский довод.

— Темно? Держи фонарь! — И Ефремов впихнул ее внутрь.

Щелкнул замок, лязгнула приставленная к двери труба, и Маша осталась одна в полутьме.

Ей стало страшно. Сразу вспомнилась шутка Ефремова относительно призрака старой собаки. Маша, конечно, уже знала про эту собаку, которая жила при дежурке много лет и была изъята охранниками. Но, будучи современным человеком с высшим образованием, она ни в каких призраков не верила, и перспектива прогуляться одной ночью в полуэтаже несколько бы ее не тревожила, если бы не та страшная тень на стене...

Она включила фонарик, сделала один шаг, другой, осмотрелась по сторонам. Ничего необычного и подозрительного вокруг не было, и Маша, осмелев, двинулась дальше.

Кабельный полуэтаж, как и распредустройства, был разделен кирпичными перегородками на отдельные участки. В перегородках зияли проемы, а кабели проходили сквозь стенки через многочисленные стальные трубки. Маша благополучно преодолела три таких препятствия, маневрируя между завалами, и добралась до последней преграды. И вот, перед самым проходом в стенке, она вдруг шестым чувством определила, что тут кто-то есть.

Собственно, чувство было не шестое, а одно из тех стандартных пяти, а именно — обоняние. Машу еще в школе за исключительный нюх дразнили «немецкой овчаркой», и сейчас она учуяла слабый запах... псины, что ли, или какого-то зверинца. Путь к проему лежал как раз через это место, и Маша направила туда луч фонарика.

— Ур-р-р-р! — раздалось из темноты, и ей показалось, что за переплетением кабелей блеснули огоньками чьи-то глаза. Там находилось какое-то животное, достаточно крупное, насколько можно было судить.

Она отступила в сторону, не зная, что делать. Сердце бешено колотилось. Чтобы дойти до выхода, нужно было потеснить с дороги неизвестного зверя, а спасительная дверь далеко позади нее была надежно «подпернута» железной трубой.

И тут Машу осенила блестящая идея.

Она огляделась по сторонам, подобрала с пола кусок картона и высыпала на него из кармана горсть конфет. Затем отошла в сторону и подпихнула картонку под кабельную полку. Посветила на нее фонариком, привлекая внимание животного, выключила свет и затаилась в темноте. Спустя какое-то время послышался шорох, сопение и затем громкий хруст — зверушка грызла карамельки вместе с фантиками. И Маша, тихонько проскользнув мимо, почти бегом рванула к тому самому «заднему проходу».

Ефремов уже вернулся на главный щит — храпел в самолетном кресле. Ромочка за дежурным столом пил холодный чай и маялся от головной боли.

— Это ты всем разболтал про полуэтаж? — накинулась на него Маша. — Трепло!

— А что... а я что... — Глаза Ромочки забегали. — Ну сказал... ну посмеялись, ну...

Маша молча отвернулась от него и ушла в коридор. Впрочем, будучи натурой отходчивой, долго дуться она не могла и уже через час поделилась с Ромой, что Ефремов, мол, ну... это самое... приставал к ней.

— Так ты бы пригрозила, что заявление на него напишешь, — беззаботно ответил Ромочка. — Он бы и отвязался. Он ведь ученый уже — сидел.

— Как сидел? — опешила Маша. — Где?

— Где-где... На зоне, где же еще люди сидят.

— А за что?

— Да так, по молодости, по глупости... Рога поотшибал какому-то очкарику. Ему возвращаться в тюрьму не резон. Да ты его не бойся! Он, вообще-то, мужик ничего и электрик будь здоров — что угодно починит. Это он так... недоперепил...

Маша решила никому не говорить про свое ночное приключение, а то опять разнесут по всему цеху. Она долго обдумывала последние события, включив логическое мышление. Очевидно, в полуэтаже поселилось какое-то крупное животное и оно же до смерти напугало релейщика-десантника наверху, в «ноль-четыре». Но что это за зверь? Для кошки он явно великоват. Собака? А как она вообще могла туда попасть? Все двери — и в полуэтаж, и в распредустройства — закрываются на замок, и открыть их можно лишь трехгранным ключом. Нет, есть еще, конечно, кабельная шахта, пронизывающая все электропомещения снизу доверху — от подвала до «шестерки». Но там даже лестницы никакой нет, и чтобы собака залезла наверх прямо по кабелям... А может, это обезьяна какая-нибудь? Из зоопарка сбежала... И почему прячется, не показывается на глаза?

Вопросов было гораздо больше, чем ответов.

Глава шестая

Обычно Ромочка возвращался с обеда, уныло пересчитывая оставшуюся мелочь, но тут он примчался в дежурку довольный и радостный.

— Вот! — продемонстрировал он окружающим зажатый в руке большое кольцо серой ливерной колбасы. — В буфете выкинули!

Блондинка Эля наморщила носик.

— Да такую колбасу только в перестройку по талонам давали! — презрительно заметил Ефремов. — А сейчас-то! Двадцать сортов в магазине — бери, что хочешь!

— Так ведь дешево... — начал оправдываться Рома. — Ничего! Лариска приготовит как надо... с луком... — В его голосе, впрочем, не было особой уверенности.

Сергей Максимович обернулся к нему от приборов на щите:

— Боюсь, Ромочка, не доживет твоя колбаска до вечера. Жарко здесь у нас.

— А я ее в «десятке» подвешу, в шахте. На холодок, — парировал Рома.

— А крысы не съедят?

— Не-е. Не достанут.

Ромочка убежал, и его долго не было — очевидно, грамотно подвешивал в шахте колбаску. Наконец он вернулся вместе с релейщиками, которые пришли закрывать наряд. Михайлов долго шарил по карманам в поисках своего бланка — мысли его были, видимо, далеко.

— Я понял суть данного нетривиального явления, — задумчиво произнес он, присаживаясь к столу. — С точки зрения банальной эрудиции, собака, некогда проживавшая здесь, ментально срослась с окружающим континуумом и, потеряв телесную сущность, вернула в исходную точку пространства свою духовную ауру.

Он принялся заполнять бланки нарядов, а Маша, сидевшая за столом дежурств, в легком замешательстве стала его разглядывать. Михайлов был крупным, среднего роста мужчиной и, кроме могучего лба, простиравшегося до самого затылка, имел жиденькие усы и бородку скобочкой, что позволяло ему сойти за интеллигентного человека. — Призрак, который попался нам на глаза в прошлый раз, есть не что иное, как отражение наших комплексов по отношению к усопшему животному, — рассуждал он далее, обращаясь исключительно к Маше, так как на лицах остальных монтеров был написан вполне откровенный скепсис. — Тем не менее он вполне материален и способен, в определенных обстоятельствах, на различные действия деструктивного характера...

Маша оторопело слушала всю эту галиматью, стараясь не смотреть на сладкую парочку, сидевшую на скамейке. Блондинка Эля загадочно улыбалась, а бывший десантник и будущий инженер-электрик, активно жестикулируя, развлекал ее историями из своего героического армейского прошлого.

— ...и таким образом, порочный круг причинно-следственных связей теперь неотвратимо разорван, поэтому нам предстоит существовать в тесном контакте с потусторонним миром! — важно заключил Михайлов, вперив в Машу пронзительный взгляд своих круглых глаз. — Понимаешь?

Маша, конечно, ничего не поняла, но торопливо покивала, чтобы не показаться полной дурой.

— Ты чего его слушаешь? — со смехом спросил ее Ромочка, когда Михайлов наконец ушел, с трудом оторвав своего напарника от его пассии. — Он тебе такого наплетет! Он же... — И Рома выразительно покрутил пальцем у виска.

— Он что, псих? — испугалась Маша.

— Да не то чтобы псих — медкомиссия ведь его пропускает. Но с приветом. Он же у нас признанный специалист по аномальным явлениям! И летающие тарелки видел, и всякую Шамбалу-мамбалу искал.

Хе-хе... А тогда-то, помнишь? — Рома обернулся к Ефремову, и тот, фыркнув, закивал головой. — Засунул себе под одежду две железные пластины, спереди и сзади, да еще веревочками стянул по бокам. Мужики в душевой смеялись над ним за глаза — мол, это у него типа бронезилета на случай, если бить будут... Так и ходил все время. Ну а потом как-то громыхнул этим железом на проходной по турникету, его и прихватили — что это, мол, у тебя? А он, серьезно так: «Это у меня антенна такая, резонатор, энергию из космоса принимать...»

Маша улыбнулась:

— И чем все закончилось?

— Ну, охрана, понятное дело, покаталась по полу со смеху. А потом стали оформлять ему вынос материальных ценностей. Саныч наш ходил разбираться. Отстояли. Но у него, видно, потом еще больше крыша поехала.

Маше стало жалко Михайлова. Ну подумаешь, увлекается человек загадками окружающего мира, фантазирует. Зла ведь никому не делает. А его на посмешище...

— Сплетник ты, — сказала она Роме. — Все-то тебе про других рассказать надо.

— Почему это я сплетник? — Ромочка надулся как мышь на крупу. — Я же с тобой поделился, как с другом. А ты...

Он обиделся и до конца смены с Машей не разговаривал. Вечером, впрочем, заговорить пришлось.

— Вы не видели мою колбасу? — озабоченно спрашивал он у всех и каждого. — Маша, ты не брала? Где моя колбаса? Леха, ты не брал?

— Да нужна нам твоя колбаса, как эфиопу валенки! — отрезал Ефремов. — Что, пропала?

— Угу.

— Ну так, значит, крысы съели. Плохо подвесил.

— А что я Лариске скажу? Куда, спросит, деньги дел...

— Рома, не переживай, — сжалилась над ним Маша. — Я тебе восполню. Потом как-нибудь отдашь.

— У нас где-то крысоловка была, — вспомнил Ефремов. — Не волнуйся, Роман, поймает мы твоего обидчика.

И ведь поймали! В следующую дневную смену Маша с утра ушла на насосную, а когда вернулась, в дежурке было большое оживление. Клетка с крупной рыжей крысой стояла на столе. Ефремов, сопя от усердия, резво крутил ручку мегаомметра, а Ромочка азартно тыкал проводами между прутьев. Крыса громко пицала и металась по клетке, пытаясь увернуться от электрических разрядов в пятьсот вольт.

— Вы что?! — вне себя от возмущения закричала Маша. — Вы что делаете?!

Она метнулась к столу, схватила клетку, получив удар током, и опрометью бросилась в коридор.

— Э! Э! — только и успел крикнуть вдогонку ей Рома.

Маша вылетела на улицу, повозилась с замком, распахнула дверцу клетки и вытряхнула крысу на траву. Та, не будь душой, сразу же

бросилась наутек, предварительно хорошенько тяпнув свою спасительницу за палец.

Ефремов и Ромочка уже стояли рядом.

— Вот это правильно! — проникновенно и с чувством сказал Ефремов. — Ни одно доброе дело не должно остаться безнаказанным!

— Да вы... да как вы... — набросилась на них Маша, тряся окровавленным пальцем. — Да лучше бы сразу убили, чем так мучить! Фашисты!

— А зачем она мою колбасу украла? — обиженно засопел Рома. — Надо же было ее наказать!

— Да ты что, дурак? Как такая маленькая крыса могла стащить такую большую колбасу?

— Нет, это не крыса была, — задумчиво произнес Ефремов. — Та бы колбасу погрызла, растрепала бы. А тут все исчезло вместе с пакетом...

— А кто же тогда? — не сдавался Ромочка. — Собака какая-нибудь ваша призрачная? Так собака вверх по кабелям лазить не может...

— Куница может, — со знанием дела сказал Ефремов. — Куница по деревьям хорошо лазает. А ты, Маруся, топай в медпункт, прививку от бешенства делай. Это я тебе... га-га-га... как специалист по животным ответственно заявляю!

Маша ходила к медикам, получила укол в положенное место и до вечера не разговаривала с садистами. Забинтованный палец ныл, и настроение было паршивым. Ну почему некоторые люди такие злые?

...Когда-то, в Машином детстве, дома у нее жила в клетке-домике крыса — белая с длинным розовым хвостом и красными бусинками-глазами. Маша очень любила играть с ней, гладить шелковую шерстку и кормить зернышками. Потом крыса состарилась и умерла. Больше Маше животных держать не разрешили. Кошки дерут обои, и от них аллергия, о собаке речи вообще идти не могло.

Разумеется, теперь, когда Маша жила в отдельной квартире, она могла бы завести себе какого-нибудь питомца. Но в ее планах первым пунктом стояли семья и дети. А домашнее животное, по крайней мере на первых порах, могло стать для этого серьезной помехой. Да и вообще, говорят, одинокая девушка с кошкой — это уже диагноз. Может, потом когда-нибудь...

Глава седьмая

Инцидент с колбасой постепенно забылся, тем более что Рома исчез на несколько дней в полном соответствии с коллективным договором. Его супруге подошел срок, и дежурный электромонтер нес теперь дежурство под окнами роддома. Наконец, в очередную ночную смену, он появился.

— Ну что, Ромуальд, родил сына? — приветствовал его Ефремов.

— Девка опять...

— У-у, бракодел!

У самого Ефремова, как Маша уже знала, предметом гордости было наличие аж трех сыновей — таких же толстых, рыжих и, наверное, таких же наглых.

— Не бракодел, а ювелир, — вступилась она за Ромочку. — Девочки, как бриллианты, жизнь украшают. А вот когда много мальчиков рождается, — блеснула Маша знанием народных примет, — так это к войне...

— Типун тебе на язык! — внезапно рассердился Ефремов. — К войне... Да я за сына в гроб лягу, поняла? Мало нам войн нынче — то Афган, то Чечня... Каркаешь тут!

Маша прикусила язык и мысленно обозвала себя дурой.

— Да ладно вам, — примирительно сказал Ромочка. — Я вот сегодня взял... Обмыть надо ножки-то.

— А как же? Конечно, надо! — смягчился Ефремов. — Тогда с третьего захода точно пацан будет!

Маша демонстративно повернулась к ним спиной.

— Маш, Маш, может ты тоже с нами, а? — заканючил счастливый молодой отец. — Я ведь специально для тебя «амаретту» принес! Вот, смотри! У Лариски отлил...

Маша сперва хотела, конечно, отказаться от предложенной чести, но такое внимание Ромочки к ее персоне очень ее растрогало. Да и, чего греха таить, попробовать знаменитый ликер «Амаретто», о котором она была наслышана, ей тоже очень хотелось. Ну и, в конце концов, выпить за здоровье родившегося нового человека — дело святое!

Она осторожно поднесла к носу протянутую Ромой бутылку, наполненную на треть коричневой жидкостью. На нее повеяло ароматами шоколада и миндаля с нотками спирта и паленой пластмассы.

— Ну, не знаю... Ладно, уговорил.

И поздним вечером или, скорее, ранней ночью они засели в чайном закутке уже втроем. Сергей Максимович сокрушенно вздохнул. Ну вот, уже и девочку совратили, разбойники!

Ликер оказался сладким, закуска достойной, и вообще поначалу все было очень весело. Пили и за молодого отца, и за маму, и за пресловутые ножки оптом и в розницу. Когда «амаретты» осталось в бутылке совсем на доньшке, Маша внезапно закрутила.

— У меня совсем нет... друзей... как это... по интересам... — делилась она с коллегами. — Недавно вот позвала Элю на выставку... этих... ну, авангард, короче. А она отказалась... Мне кажется, она меня совсем не любит!

— Конечно, не любит, — подтвердил Ефремов, наливая Роме водку в кружку с девичьей. — Любая порядочная женщина ненавидит другую женщину, которая ее моложе и тоньше в талии!

Ромочка наклонился вперед и круто сменил тему. Как известно, выпивший человек склонен говорить о том, о чем ему хочется, не слушая собеседников.

— А может, там, наверху-то, и в самом деле кто-то живет? Ну тот, кто мою колбасу спер... кто этого... десантника релейного напугал. И Машу тоже...

Маша, нахмурившись, толкнула его в бок. Рома, спохватившись, сделал виноватый жест руками — пардон, мол.

— Да кому там быть... — промолвил Ефремов, который, в отличие от Ромочки, нити разговора еще не терял. — Разве что зверушка какая-нибудь из леса прибежала... в качестве призрака.

— О! — вскинул палец Рома. — За призраков!

— Га-га-га!

— Гы-гы-гы!

Они опрокинули еще по одной. Маша пить не стала, задумавшись. Может, и в самом деле, там зверек из леса живет? Милый, добрый, пушистый... А вот схожу и посмотрю! Нет, в самом деле, почему бы не посмотреть?

Ефремов закусил колбасой (не ливерной — настоящей!), разгладил усы и выбрался из закутка — покурить. Маша оглядела стол и поднялась.

— Я это... и-ик... с обходом, — заявила она, завернула в газету пару булочек, кусок колбасы, еще что-то и нетвердой походкой направилась к выходу в цех.

У дверей она оглянулась — Ромочка, покачиваясь, смотрел на нее и загадочно улыбался.

Маша шла по цеху и думала о том предполагаемом зверьке, который скучает сейчас в темном полуэтаже, такой же одинокий, как и она сама. Еще вчера она боялась встретиться с ним, потому что любого человека всегда пугает все неизвестное и непонятное. А сейчас почему-то все страхи рассеялись и загадочный призрак стал для нее чем-то вроде несчастной бездомной собаки.

...Когда-то, давным-давно, у Маши была собака, не своя, правда: собака эта пряталась на улице, в щели между железными гаражами. Была она маленькая и запуганная, коричневого окраса, со стоячими ушками, похожая чем-то на медвежонка, и Маша прозвала ее Мишкой. Выходя после школы гулять во двор, она всегда приносила Мишке пирожок, котлету или еще что-нибудь вкусненькое. Собака жадно ела, дрожа от холода и глотая большими кусками, а Маша расчесывала ее специально припасенной для такого случая расческой. Однажды ее за этим занятием застали родители и устроили хорошую взбучку, неделю не отпускали гулять, а когда Маша наконец вышла на улицу, Мишки уже нигде не было...

В пустом цехе монотонно шумели котлы и турбогенераторы. Маша, пару раз споткнувшись на крутых ступеньках, вскарабкалась на площадку по памятной лестнице и открыла трехгранником полуэтаж. У нее еще со времен стажировки был свой ключ, личный. Ефремов сделал за пять минут — подобрал подходящую трубку, согнул буквой «г» и обстучал молотком на трехгранном же напильнике.

— Эй! Ты где? — шепотом окликнула она неведомого жителя кабельного лабиринта.

Никто не отозвался, и Маша двинулась вперед, протянув перед собой свободную руку, так как фонарик она, конечно, забыла. Редкие светильники скупо освещали окружающее пространство, и она то и дело натывалась

на петли кабелей и торчащие кронштейны полок. Постепенно Маша добралась до того места, где с полуэтажом пересекалась кабельная шахта, и тут же сразу почуяла, что вот он — рядом, притаился за ближайшей кабельной полкой.

— Привет! Ты кто? — спросила она, стараясь придать своему голосу самые дружелюбные интонации.

Загадочный призрак, конечно, не ответил, но ей показалось, что он недовольно засопел.

— Ты, наверное, голодный? На, кушай, дорогой, кушай! — Маша развернула газету и подвинула угощение в темноту, поближе к неизвестному животному. Потом отошла и присела в сторонке на толстый кабель, нисколько не смущаясь наличием внутри него высокого напряжения.

Зверушка не заставила себя долго ждать — раздалось шуршание и затем аппетитное чавканье.

Нетрезвой работнице очень захотелось поговорить. Излить душу.

— Вот ты мне скажи, — проникновенно начала она, — почему мне так не везет, а? Только встретишь подходящего... это... кандидатуру, в общем... а он, смотришь, — уже окольцованный! Как гусь лапчатый... или репчатый... ну неважно. А недавно вообще поцен... понтен... и-ик... понтен-ци-ального жениха из-под носа увели — это как называется?

Незримый и безмолвный собеседник перестал чавкать — то ли уже все съел, то ли внимательно слушал.

— А ведь мне уже скоро тридцать, понимаешь? — Из глаз Маши потекли слезы. — Тридцать! Я замуж хочу! Я детей хочу! А тут... а они...

Маша не выдержала и разрыдалась, размазывая по лицу тушь пополам с соплями. Все ее горькие, потаенные мысли, которые она так старательно загоняла на задворки сознания, были вымыты оттуда сладким ликером.

— Н-ны-ы-ы, н-ны-ы-ы, — раздалось вдруг из темноты.

Таинственный призрак сопереживал Маше, сочувствовал ей почти по-человечески, и на душе вдруг стало так радостно и спокойно...

...Она очнулась оттого, что ее трясли за плечо. Яркий луч бил прямо в глаза, и Маша заерзала, отталкивая руку с фонариком. Над ней стоял Рома с угрюмым и слегка опухшим лицом.

— Ты чего сюда забилась? — недовольно спросил он. — Смена уже кончается. Меня Максимыч послал тебя искать — он уже волноваться начал.

— А сам-то ты что, не заволновался? — зло бросила Маша.

— Да нет... это... я тоже хотел...

Маша огляделась по сторонам, прислушалась, принялась. Нет, его рядом не было.

Когда она, непричесанная и неумытая, появилась в дежурке, Сергей Максимович ничего не сказал, только укоризненно покачал головой, и Маше стало ужасно стыдно. И потом — и в душевой, и по дороге домой, в автобусе, — она корила себя и ругала последними словами, клялась

и божилась, что больше теперь ни за что, никогда и ни в коем случае... И в самом деле — нехорошо употреблять на работе спиртные напитки! Очень нехорошо!

Глава восьмая

— Никто не видел? — переспрашивал начальник участка уже в который раз. — Шинки медные, в «шестерке» лежали, для ремонта секции были приготовлены... А? Ефремов?

— Виктор Ссаныч! — Ефремов приложил ладонь к желудку. — Как на духу...

— Да их, наверное, призрак утащил, — хихикнул Ромочка.

— Не смешно.

— Призрак, не призрак, — заметил Сергей Максимович, протирая очки, — а помните, как в прошлом году в ремонтном бомжика поймали? Какой-то кабель в подвале выкусил — и цех полдня стоял...

В последнее время только и было разговоров, что про чертовщину, творившуюся на ТЭЦ. То кто-то слышал странные звуки в «десятке», то кто-то видел непонятную тень, уже в самом цехе, под генератором. А на днях женщина-электромонтер из другой бригады, почтенная дама бальзаковского возраста, примчалась в дежурку с растрепанной бабеттой на голове и ее полсмены отпаивали валидолом, корвалолом и прочими подобными лекарствами. Потом она написала заявление по собственному и на две недели, положенные для отработки при увольнении, ушла на больничный.

— Этого еще не хватало! Меня и так из-за этой собаки чуть не уволили, а тут еще... Ну что за люди! На ходу подметки рвут! — Виктор Александрович тяжело поднялся со стула и пошел к двери.

— А Эллочка-то наша где? — спохватился Сергей Максимович. — Не заболела, часом?

— Она дни взяла, в соответствии с колдоговором. Они сегодня расписываются... с десантником этим из релейки.

Рома присвистнул. Начальник участка вышел, в огорчении хлопнув дверью.

— Надо же, — задумчиво пробормотал Ефремов у верстака, — как он скоропостижно женился...

— Быстро Элька его приручила! — восхитился Ромочка.

— А ты думал! Это ведь девушки, замуж не ходившие, типа нашей Маши, скромные да застенчивые. А разведенная дама с ребенком — существо достаточно агрессивное!

Маша сидела за столом дежурств, грызла от досады ручку, страдала и делала далекоидущие выводы. Быка надо брать за рога. Только в старых наивных романах мужчины-рыцари окучивают прекрасную даму, наперебой предлагая руку и сердце. В жизни же все наоборот. Будешь сидеть сложа руки — не дождешься у моря погоды...

— Ну вот, — оторвался Ефремов от верстака, — аппарат готов к запуску!

— Ух ты! — воскликнул Рома. — Это что, капкан, да?

— Он самый! — Ефремов с усилием отогнул блестящие пластины вниз, взводя тугую пружину, взял молоток и ткнул им в середину. Железные челюсти с глухим стуком сомкнулись на деревянной рукоятке.

— Да вы что! — ужаснулась Маша. — Да вы в своем уме? Да ему же этой штукой лапу сломает! Или вообще убьет...

— Га-га-га! Добрый ты человек, Мария! А зачем он к нам залез? Сидел бы у себя дома, в лесу...

— Ну надо же как-то не так... Вдруг там какое-нибудь редкое животное? Может, нужно сообщить куда следует? В министерство природы... не знаю... в Академию наук...

— Еще чего! — Ефремов вытащил молоток. — Это раньше на каждый чих разрешения спрашивали у партии и правительства. А сейчас у нас свобода и демократия! Как... — Он замялся, подыскивая подходящее слово.

— Как в цивилизованных странах! — пришел ему на помощь Ромочка.

— Точно! Как в Штатах, на Диком Западе. Сначала стреляй, а потом разбирайся, кто там был — куница, лисица, черт с рогами...

— А капкан-то не маленький? — озабоченно спросил Рома.

— На куницу пойдет! Машка, хочешь шапку из куницы?

Маша отвернулась, не удостоив его ответом. Она, конечно, никому не рассказывала, что каждую смену ходит в полуэтаж подкармливать неизвестного зверя. Да и что рассказывать? Она его даже ни разу и не видела. Ну, знает только, что он мохнатый и довольно большой — полкурицы съедает в один присест. А теперь этого невидимку, видите ли, хотят изловить таким варварским способом!

Маша решила, что непременно выследит, куда поставят капкан, и обезвредит его. Но, как назло, для этого никак не представлялось возможности. То ее отправили работать совсем в другую сторону, то на главном щите, кроме нее, никого не было, а отлучаться нельзя. А Ефремов, хитро подмигнув, после обеда надолго куда-то ушел и вернулся уже без капкана.

Так, где оно, логическое мышление?.. В распредустройствах он поставить ловушку не мог — там все доступно для осмотра и освещение хорошее, капкан сразу заметят. Подвал тоже отпадает — на полу вода, а Ефремов сапоги не надел. Остается полуэтаж. Только бы успеть, только бы успеть!

Смена закончилась, пришла бригада, работающая в ночь, а Маше так и не удалось вырваться на поиски. Пришлось пойти на военную хитрость. Она специально оставила свою сумку в дежурке, а потом (ах-ах, забыла!) с полпути к душевым побежала обратно. Расчет был прост — мужская часть бригады не сможет проверить, вернулась она в женскую душевую или нет, а блондинка Эля, как известно, сегодня замуж выходит.

Темные дебри полуэтажа встретили ее настороженной тишиной. Маша пробиралась между кабелями, обшаривая пол лучом фонарика.

Где же он, где? А может зверь уже того — попался? Да нет же, он тогда стонал бы жалобно, плакал бы...

Она прошла весь полуэтаж до конца, повернула назад — капкана все не было. Может, она ошиблась? Может, Ефремов поставил его где-нибудь в «шестерке», между задними крышками ячеек и стеной? Туда ведь редко кто заглядывает. И тут в ее голове блеснула по-настоящему умная мысль — шахта! Ведь призрака видели и наверху, в «собственных нуждах», и в полуэтаже, и в «десятке». А кабельная шахта — единственный путь сообщения между ними. И Ефремов наверняка об этом подумал — не дурак же он.

Маша пробралась к тому месту, где толстые жилы кабелей загибались вверх и вниз, и принялась тщательно исследовать местность вокруг. Вот он, голубчик! Капкан был установлен у самого проема в полу, в небольшой нише, закрытой сплошной стеной из кабелей, и было непонятно, как туда сумел пробраться толстый Ефремов. Разведенные стальные дуги тускло блестели в луче фонарика, а между ними лежал кусок той самой ливерной колбасы.

И тут Маша почувствовала знакомый запах — запах зверинца.

— Стой! — закричала она. — Не ходи туда! Туда нельзя!

Она кое-как протиснулась под свисающими кабелями, извалявшись в пыли и порвав свою новую сумку. Призрака видно не было, но он, несомненно, находился рядом и наблюдал за ней.

— Сюда нельзя! — взволнованно сказала Маша, показывая лучом фонарика на капкан. — Это плохо! Это ловушка! Смотри.

Она огляделась по сторонам и, не найдя ничего подходящего, сунула в раскрытую пасть капкана свой фонарь. Гулко звякнула пружина, и железные челюсти с треском сошлись на хрупком корпусе. Фонарик, естественно, погас, и Маша оказалась в почти полной темноте.

— Не ешь это, — сказала она своему другу. — Я тебе хорошей колбасы принесу...

И замолчала, вздрогнув всем телом оттого, что неподалеку щелкнула замком входная дверь.

По стенам и кабелям замечался слабый луч света — вероятно, ночная смена пришла с обходом. Маша затаилась как мышь в своем укрытии — не хватало еще, чтобы ее обнаружили. Как она объяснит свое присутствие здесь в это время?

Человек вышел на открытое место под светильником, погасил фонарь, и Маша увидела — кого бы вы думали? — Михайлова. А этому-то что здесь надо? Он же по дневному графику работает, давно уже дома быть должен.

Михайлов опустил на колени, поднял лицо к низкому потолку и развел руки в стороны.

— О призрак старой несчастной собаки! — торжественно произнес он. — Я обращаюсь к тебе от имени всего нашего коллектива, ибо ответственно сознаю, что избран тобой для установления контакта!

Вот этого Маша никак не ожидала. Ладно, если бы Михайлов пришел с кем-то еще и ломал комедию перед своим спутником. А тут... Он что, серьезно?

— Позволь мне нижайше просить тебя, призрак, — продолжал адепт новой религии, — ниспослать мне, как твоему верному и преданному жрецу, сохранения месячной премии в полном объеме и успешного прохождения ежегодной проверки знаний!

Маша прыснула со смеху и тотчас же пожалела об этом. Михайлов замолчал, опустил руки, подозрительно огляделся по сторонам, потом, поднявшись с колен, включил фонарик и осторожно двинулся в ее сторону. Она испугалась не на шутку. Что будет, если этот новый жрец ее здесь увидит? Ведь он же того — реально сдвинутый! Кто знает, что у него на уме?

Но тут призрак пришел к ней на выручку. Он вдруг грозно заворчал, как во время их первой встречи:

— Ур-р-р-р!

И Михайлов тут же ретировался обратно под светильник, принял прежнюю коленопреклоненную позу и воздел руки к потолку. В его глазах заблестели слезы.

— Благодарю тебя, о всемогущий призрак старой собаки, за то, что явил мне свою волю! — еще громче провозгласил он. — Я понял суть гнева твоего. Мне не следует просить о столь незначительных вещах, ибо на кону стоит существование всего человечества!

Он поднялся с колен и, пятясь и натываясь задом на свисающие с палок кабели, стал медленно удаляться, постоянно кланяясь и бормоча что-то себе под нос. Маша дождалась в своем убежище, когда хлопнет входная дверь, и только потом выбралась на открытое место.

— До завтра, призрак! — ласково сказала она в темноту. — Не скучай.

— Маш, а ты что, сумку не нашла? — спросил ее Рома следующим вечером. — Ты чего с пакетом?

Маша слегка замешкалась.

— У меня молния сломалась, — ответила она наконец.

В дежурку вернулся с обхода Ефремов, бросил на верстак капкан с зажатым в нем фонариком.

— А зверушка-то хитрая, — задумчиво произнес он. — Слышь, Маша, а как твой фонарь-то туда попал?

— Я его в «десятке» забыла, — быстро сказала она, уже готовая к такому вопросу.

— А-а... Ну-ну. — Ефремов неторопливо извлек изувеченный фонарик из капкана, повертел его в руках, вздохнул. — Эх, Маша, Маша, три рубля — и наша... Ну ничего, ладно. Знаю я, где этот призрак живет.

Он замолчал и до конца смены вообще больше не возвращался к этой теме, но в душе Маши уже поселилось стойкое предчувствие чего-то недоброго.

Глава девятая

В следующую ночную смену Ефремов на работу не вышел, и они остались втроем. Blondинка Эля, будучи, как оказалось, в интересном положении, была переведена на легкий труд и теперь в дневное время заполняла своим аккуратным почерком какие-то бумаги в кабинете начальника.

— Опять в историю попал, — ворчливо заметил Сергей Максимович.

— Может, он заболел? — предположила Маша.

— Ага, как же, заболел он... — Рома был недоволен отсутствием напарника, так как работы ему заметно прибавилось. — В прошлый раз тоже думали, что заболел, а он явился через неделю в темных очках, под глазами фингалы — во!

— Избили его?

— Да нет, там не все так просто... Он чего-то не поделил со своими друзьями-бизнесменами (или бандитами — кто их там разберет). То ли задалжал, то ли кинул кого... В общем, поучили его немного и в кессон посадили.

— В какой кессон?

— Ну, знаешь, ящик такой большой железный, в гаражах закапывают — картошку хранить. Вот он там и сидел три дня — думал.

— Ну и как, надумал?

— Надумал. Машину продал — расплатился. Машина-то у него хорошая была — «Жигули», трешка. — Ромочка завистливо вздохнул. — Семнадцать лет, а как новенькая! Реекспорт! Он за ней в Брест ездил. Теперь на новую копит.

— Да разве можно, на заводе работая, накопить на машину? — удивилась Маша. — И так от полочки до полочки едва тянешь. Да еще цены почти каждый месяц удваиваются.

Ромочка фыркнул — совсем как его старший коллега.

— Это нам с тобой не купить. А Ефремов — мужик ушлый. Он и медь продавал с трансформатора, и алюминий с самолета... Ничего, и сейчас что-нибудь придумает.

Маша в этот раз, как обычно, принесла гостинцы для своего подопечного. Но в конце смены никто не ждал ее в полуэтаже. Напрасно она прошлась два раза из конца в конец, напрасно прислушивалась и приняла хивалась у шахты — таинственной зверушки нигде поблизости не было.

А еще через пару дней рабочие-подрядчики, монтировавшие дополнительные ячейки в самом дальнем отсеке «десятки», уходя на обед, высказали претензию:

— Чем у вас там шманит-то? Крыса, что ли, сдохла? Работать невозможно!

— Где? — встрепенулся Сергей Максимович.

— Да там, у пятой секции. Вроде как из подвала тянет...

После ухода подрядчиков старший смены забеспокоился:

— Надо пойти посмотреть, что там в подвале. Может, и в самом деле умер кто.

У Маши все сжалось внутри. Неужели *он...* там...

— Можно мне с вами? — робко попросила она.

— Тебе? — Очки Сергея Максимовича съехали на кончик носа. —

Ну что ж... пойдём поглядим, если хочешь.

Маша влезла в огромные резиновые сапоги, имевшиеся в дежурке как раз для таких случаев. Они оставили Ромочку на главном щите и отправились в последний отсек «десятки», где находился люк в дальний подвал. Осторожно спустились вниз по крутой и ржавой железной лестнице. Сюда вообще заходили редко — вход далеко, пол затоплен, да и кабелей здесь было проложено немного. Старший смены включил прихваченный им мощный фонарь и повел носом.

— Действительно, пахнет...

Маша со своим почти собачьим обонянием уже давно чувствовала, что не просто пахнет, а несет, и притом достаточно сильно.

Булькая в воде сапогами, они медленно пошли по подземелью, отыскивая источник запаха. Маше было страшно, но усилием воли она заставляла себя идти дальше. Она должна была увидеть *его...* должна...

Сергей Максимович свернул в один боковой тоннель, осмотрелся, принюхался, затем вернулся и вошел в другой. Бетонный пол здесь оказался повыше, и воды на нем не было. Освещение в тоннеле отсутствовало, слева уходили куда-то черными полосами толстые кабели на железных кронштейнах. Под ногами стал попадаться разный мусор: тряпки, кости, какие-то засохшие шкурки. Маша споткнулась о большой бесформенный мешок, ответивший ей металлическим лязгом.

Тоннель в этом месте делал небольшой поворот. Сергей Максимович поднял фонарь повыше — и замер, словно окаменел. Маша заглянула через его плечо и непроизвольно вскрикнула.

Посреди коридора на какой-то растрепанной тряпичной куче лежало распростертое тело человека. Ноги были неестественно подогнуты, руки раскинуты в разные стороны, рубашка на груди залита чем-то темным. А лицо...

— Ефремов! — выдохнул старший смены.

Маша смогла вынести это зрелище ровно одну секунду. Ее согнуло пополам, и она вынуждена была схватиться за кабель, чтобы не упасть на колени. Хорошо еще, что не успела пообедать! Сергей Максимович подхватил ее за плечи и потащил к выходу, что-то бормоча под нос, сокрушаясь и тряся головой.

Он приволок свою спутницу в дежурку, и там они с Ромой, не придумав ничего лучшего, стали отпаивать ее чаем. Вот тут уже Машу вырвало по-настоящему — еле успела выскочить на улицу.

Остаток дня она просидела на скамейке в полном отупении. В голове по кругу мотались одни и те же обрывки мыслей: «Как же так... не может быть... как же это... что же это...» Мимо, не обращая на нее внимания, бегали какие-то озабоченные люди, хлопали двери, звонили телефоны. Уже в конце смены к ней подсел бледный и испуганный Ромочка.

— Увезли его уже, — мрачно сообщил он. — Милиция приезжала с собакой. Ужас какой! Что делается, что делается... Там, в подвале-то,

пинки медные нашли в мешке. Ну помнишь, которых Саныч обыскался? Теперь, я слышал, все на Ефремова валить будут — мол, он медь воровал, попал под напряжение, ну а потом уже крысы...

— А его действительно так... крысы? — слабо пролепетала Маша.

— Да какие крысы! — горячо зашептал Рома. — Ему горло перегрызли, сонную артерию, вот здесь! — Он показал на своей шее где. — Я-то думал, это зверек какой мелкий — ну там кошка, куница... А тут натурально хищник свирепый! И собака милицейская хвост поджала, заскулила, в подвал не полезла... Я теперь туда ни ногой! Что делать, как дальше жить будем? Хоть увольняйся...

Он замолчал и согнулся на скамейке, обхватив голову руками. Маша невидящим взглядом смотрела в окно на затянутое облаками вечернее небо. Неужели это он Ефремова так? Неужели он такой злой... Нет, не может быть, он же столько раз встречал ее там, в полуэтаже, радовался, когда она приходила! Ефремов, наверное, его выследил, напал, а он защищался. А Ефремов человек жестокий, он лося раненого ножом добивал — сам ведь рассказывал...

Пора было идти домой. Уже пришли люди из бригады, заступающей в ночь, листали журналы, оживленно обсуждали с Максимычем последние события, и Маша печально поплелась в душевую.

Ночью ее мучили кошмары. Черные бесконечные кабели змеями обвивались вокруг ее шеи, скалили зубы ужасные призраки, парившие под низким потолком, и три маленьких Ефремова, толстенькие, рыженькие и со стоячими ушками, испуганно выглядывали из узкой щели между железными гаражами.

Глава десятая

Маша слегка опоздала с утра на работу — в последнее время она плохо спала и не высыпалась. Выходя из душевой, она чуть было не наткнулась на Виктора Александровича, рядом с которым следовал — ни больше ни меньше — сам старший помощник младшего менеджера в неизменном малиновом пиджаке и ослепительной белой каске. Любой вменяемый человек знает, что от начальства нужно держаться подальше, поэтому Маша притормозила, пропустив вперед себя руководителей, и, сбавив скорость, поплелась сзади, невольно подслушивая их разговор.

— Да поймите же, Анатолий Борисович! — плакался начальник участка. — Людей не хватает! Во второй бригаде двое уволились, в третьей — один... одна... Михайлов, из релейки, умом тронулся, в психушке лежит, и обратно его уже не пустят... Работать некому!

— Проблем с кадрами у нас нет! — небрежно процедил старший помощник. — За воротами толпы голодных безработных.

— Так мне же специалисты нужны! — не унимался Виктор Александрович. — С дипломом, с группой по электробезопасности. А не люди с улыбки...

Он предупредительно открыл перед начальником дверь на главный щит, и они вошли в помещение. Маша незаметно юркнула вслед за ними. Высокий гость брезгливо оглядел щиты с приборами и прочее, поискал глазами блондинку Элю, не нашел и, видимо, огорчился.

— Это все? — надменно спросил он.

— Все, — начальник участка оглянулся, увидел Машу и подтвердил: — Все. Анатолий Борисович, я же вам говорю — людей не хватает! Щукина в декрет ушла, Ефремов вот... сами знаете...

— Я этот вопрос обсуждать не собираюсь! — недовольно бросил помощник младшего менеджера. — Извольте обходиться теми, кто есть. А кому сейчас легко? И вообще, на Западе, — слово «Запад» было произнесено им с благоговейным придыханием, — подобного рода объекты обслуживаются одним сотрудником!

— Так а как же? — обомлел Виктор Александрович. — А оперативные переключения? А допуски по нарядам?

Начальник поднял руку, давая понять, что тема исчерпана.

— В общем, так! — надменно заявил он. — Сегодня сюда прибудет специальная команда. В сопровождении вашего руководителя они произведут осмотр помещений на предмет наличия посторонних людей и животных. Распустились, понимаешь! Развели здесь призраков, привидений каких-то! Руководство этого более терпеть не намерено!

Он выдержал многозначительную паузу. Присутствующие понуро молчали. Старший помощник младшего менеджера окинул их суровым взглядом, снял свою безукоризненно белую каску и вытер платком бритый затылок.

— Попрошу оказать сотрудникам охраны всяческое содействие!

Сказав это, обладатель малинового пиджака, мрачно сопя, повернулся и направился к выходу. Начальник участка торопливо засеменял вслед за ним. Громко хлопнула входная дверь.

— А я-то думал, зачем это у нас строители кабельную шахту зашивали, — тихо заметил Сергей Максимович. — А это они, оказывается, готовились. К осмотру помещений...

Специальная команда не заставила себя долго ждать. После обеда в дежурку заявили несколько здоровенных мрачных типов в пятнистой униформе с надписью «Охрана».

Виктор Александрович, бледный и растерянный, натянул резиновые сапоги.

— Начнем с кабельного подвала, — неуверенно сказал он. — Только прошу вас, ради бога, ничего не трогать, не открывать без моего разрешения. Здесь действующие электроустановки...

— Мы проинструктированы! — оборвал его самый крепкий и, видимо, самый главный.

Спецкоманда ушла. Маша сидела на скамейке, безучастно глядя в окно. Ну вот и все. Сейчас они обшарят все закоулки, найдут этого таинственного обитателя подвалов, который столько времени был ее неизвестным другом, посадят в клетку, и она его наконец увидит — в первый

и последний раз (о том, что его могут просто убить, она старалась не думать). Загадочный призрак почему-то представлялся Маше пушистым и плюшевым, вроде того енота, которого она видела в детстве в передвижном зоопарке. Там было много зверей, хороших и разных, но больше всего она запомнила именно енота с красивым полосатым хвостом и белым животиком. Енот стоял на задних лапках в тесной, грязной клетке и, держась передними за прутья, словно арестант, грустно смотрел на спующих по ту сторону решетки людей...

— Ах ты господи! — вдруг всполошился Сергей Максимович. — Они же сейчас, после подвала, в «десятку» пойдут, а там средства защиты не разложены! Саныч ведь меня опять премии лишит, изверг! Ромочка, Машенька, одна нога здесь, другая там, а?

Дежурные монтеры отправились в «десятку». Маша несла журнал, а Рома тащил мешок с перчатками, ботами и прочим. Глаза его блестели, и вообще он с самого утра имел вид человека, принявшего ответственное решение. Они стали раскладывать защитные средства на предназначенные для этого полки, записывая в журнал номера.

— Маш, Маш, слушай, — начал Ромочка сбивчиво и неуверенно. — Вот если я, допустим, развелся бы... то мы с тобой... это... могли бы вместе... ты как считаешь?

Машина ручка замерла над открытым журналом.

— Да ты, никак, мне предложение делаешь?

— Ну да... в общем-то...

Маша резко обернулась к нему.

— Чем же я лучше твоей жены? Она же у тебя красивая? А? Наверное, красивее меня?

— Ты добрая, — простодушно ответил Рома. — И квартира у тебя есть...

Упоминание о квартире особенно разозлило Машу.

— А как же твои дети? — набросилась она на него. — Твои девочки? Ты что, бросил бы их, да?

— Я бы их не бросил, — важно сказал Ромочка. — Я бы алименты платил.

Маша стала набирать в грудь побольше воздуха, чтобы высказать этому придурку все, что о нем думала. Но вдруг замерла. В дальнем конце помещения отворилась дверь, да так и осталась открытой, и никто в нее не вошел. Дверь, впрочем, была видна не вся, только верхняя треть — снизу ее закрывал выкаченный из ячейки масляный выключатель. Это было непонятно и неправильно, потому что двери в распредустройства всегда должны быть плотно закрыты.

И вдруг...

— Н-ны-ы-ы, н-ны-ы-ы, — раздалось где-то совсем недалеко от них.

Маша вздрогнула.

— Рома, он здесь, — тихо сказала она.

— Что?! — Ромочка присел. — Кто, кто здесь? Призрак?! Призрак, да?!

— Миша, Мишенька, — вдруг позвала Маша неожиданно для самой себя. — Иди сюда! Иди ко мне!

И тут она впервые увидела его. Призрак мягко и почти бесшумно вскочил на короб, в котором проходили шины, взобрался на релейный шкаф и появился наверху, в нескольких метрах от нее. Светильники были подвешены на тросах довольно низко, к тому же один из них находился как раз позади неизвестного существа, и Маша видела только косматый силуэт на фоне беленого потолка.

— Миша, иди сюда, иди! — протянула она к нему руки.

Зверь, осторожно перебирая всеми четырьмя лапами, перелез на соседний шкаф, поближе к ней. Ромочка кинулся на полусогнутых ногах за железный угол секции.

— Маша! — закричал он шепотом, выглядывая из-за крайней ячейки. — Маша, беги! Укусит!

— Мишенька, иди сюда! Иди, мой хороший!

Таинственный призрак, недоверчиво глядя на Машу, перебрался еще ближе. Маша несколько не боялась его — ведь он не выказывал никакой агрессии, не стремился напасть. Он пришел к ней, пришел за помощью и защитой...

И тут в помещение распрудстройства вломилась толпа охотников за привидениями.

— Вон он! — истошно завопил кто-то. — Вон, смотрите! Вон, наверху сидит!

Чудовище оглянулось на крик и вдруг, поднявшись на задние лапы, с размаху ударило передними по висевшему рядом светильнику. Маша даже зажмурилась на секунду, так эта сцена была похожа на кадр из недавно просмотренного фильма, где Кинг-Конг, взобравшись на небоскреб, крушил вертолеты. Осколки длинных ламп дневного света посыпались вниз с сухим звоном, а призрак перепрыгнул на соседнюю секцию и пустился наутек.

— Держи его! Лови!

В «десятке» поднялись шум и суматоха. Люди в пятнистой одежде бегали по проходам, кричали, размахивали руками, а загадочный зверь серой тенью метался наверху по железным ящикам релейных шкафов, разнося вдребезги попадающиеся на пути лампы, отчего в помещении становилось все темнее и темнее. Никто не мог его толком разглядеть. Это была, конечно, никакая не собака — своими ловкими движениями существо больше всего напоминало, пожалуй, громадную лохматую обезьяну.

Маша тоже бегала вместе со всеми между рядами ячеек.

— Оставьте его! — кричала она. — Не трогайте его! Он уйдет, уйдет!

Охранники уже тащили, разворачивая на ходу, какую-то сеть — то ли рыболовную, то ли волейбольную. Неизвестный зверь перебежал по шкафам к кабельной шахте, наглухо зашитой железными листами, покрутился возле нее и бросился к противоположной стене. Там, в похожей нише, за тяжелыми железными дверями, не доходившими на метр

до потолка, находился секционный реактор — три громадные, поставленные одна на другую катушки с намотанной на них толстой медной шиной. Призрак перепрыгнул с секции на секцию над головами кинувшихся врассыпную людей, промчался по шинному мосту и в длинном прыжке ухватился передними лапами за кромку дверей.

— Гоните его оттуда! — закричал Виктор Александрович. — Не пускайте туда! Там же напряжение! Десять киловольт!

Зверь, подтянувшись, уселся на верхнем краю дверей, повернул к подбегающим людям оскаленную косматую морду и издал грозный рев, перешедший в жуткий тоскливый вой.

И прыгнул внутрь.

Яркая голубая вспышка, словно молния, осветила стены помещения. Грохнуло так, что заложило уши. Свет окончательно погас, и в пляшущих лучах фонариков было видно лишь, как, подобно хлопьям снега, сыплется побелка с высокого потолка. Загудел зуммер аварийной сигнализации, тревожно замигали красные лампочки на отключившихся ячейках.

Какое-то время все дежурные монтеры во главе с начальником участка носились по распредустройству, включая и отключая ячейки, выкатывая и закатывая тяжелые выключатели. Повсюду они натыкались на посторонних людей, испуганно жавшихся по углам, путавшихся под ногами и мешавших работать. В «десятке» наступил хаос, не предусмотренный никакими правилами и инструкциями.

Лишь много позже, когда электроснабжение было наконец восстановлено, поврежденный реактор надежно отключен и даже помещение худо-бедно освещено запасным прожектором, Виктор Александрович принес ключи и дрожащими руками открыл тяжелые двери.

Дымящееся тело неизвестного существа валялось на полу возле самого порога, от него исходил тяжелый запах паленой шерсти и горелого мяса. Призрак лежал лицом вниз, вытянув перед собой черную, когтистую, но, несомненно, человеческую руку, в которой был зажат трехгранный ключ.

И Маша, увидев все это, зарыдала в голос.

Пролог в качестве эпилога

В зимнем ночном лесу не было никого, кроме собаки, попавшей сюда, видимо, из находящегося рядом города. Собака — молодая и, судя по набухшим свисающим соскам, недавно ошенившаяся сука — осторожно пробиралась по протоптанной между сугробами тропинке, обнюхивая деревья, прислушиваясь и жалобно поскуливая.

Наверное, искала своих пропавших щенков.

С неба послышался чужой, непонятный шум. Собака задрала голову, всматриваясь в черноту между ветвей. Шум перешел в протяжный гул, затем в низкий могучий рев. Большой пассажирский самолет, кренясь на крыло, появился над самыми верхушками сосен, зацепил этим крылом

одну из них и, опустив нос, обрушился на лес со страшным грохотом, ломая стволы деревьев и разваливаясь на части.

Когда грохот стих, собака осторожно выглянула из густых зарослей. Пугливо озираясь, она стала медленно обходить место падения лайнера, осматривая и обнюхивая упавшие деревья, дымящиеся обломки и неподвижно лежащие тела людей.

Ее внимание привлек какой-то посторонний звук. Она прислушалась, обежала вокруг громадного куска крыла с буквами «СССР» и длинным номером, углубилась в уцелевший чудом ельник и принялась раскапывать передними лапами большой сугроб, наметенный возле густого разлапистого дерева. Звук становился все громче и громче, и вскоре стало ясно, что это надрывный детский плач.

Собака без устали откидывала снег и наконец откопала истошно плачущего ребенка лет двух или трех. Утоптав лапами снег вокруг, она улеглась рядом, обернулась вокруг маленького человека своим телом, укрыла его пушистым хвостом и принялась вылизывать теплым языком мокрое от слез лицо. Малыш постепенно пригрелся и затих, успокоившись. Тогда собака поднялась и, выйдя на тропинку, медленно пошла по направлению к городу, постоянно останавливаясь и оглядываясь. Ребенок, замерзнув, снова захныкал, выбрался из сугроба и, протягивая руки, побрел вслед за ней к видневшемуся вдали обветшавшему забору, за которым светилось огнями здание старой ТЭЦ. Откуда-то издалека доносились рокот автомобильных моторов и надрывный вой сирен — ночной город проснулся, разбуженный катастрофой.

